

Как ныне обустроивается дальневосточник?

М.И. Леденев

(Дальневосточный институт рынка Минэкономики РФ)

“Привлечение и закрепление населения на Дальнем Востоке” – вот что красной нитью всегда проходило через 350-летнюю историю его освоения. В эти столетия страна знала периоды подъемов и спадов, смут и страшных разрушений, но, говоря словами П.А.Столыпина, задача “увлечь, заставить прийти сюда русского в количестве, достаточном для заполнения опасной пустоты, которую природа не терпит”, всегда оставалась государственным приоритетом.

А сейчас в регионе наблюдается массовый отток населения. За последние четыре года миграция унесла с Дальнего Востока около 400 тыс. человек. Велика ли утрата? Чтобы оценить это, надо припомнить, что за 50 лет, с 1858 по 1908 г. , с огромными трудностями, затратами, большими человеческими жертвами в регион было переселено 256 тыс.крестьян (около 40 тыс.семей).

Выезжают, в основном, люди наиболее дееспособные в трудовом отношении и с ними – дети. Для районов выбытия миграционные потери равнозначны смертности населения. К этому надо прибавить, что кроме Якутии, Чукотского и Корякского автономных округов во всех краях и областях Дальнего Востока показатели смертности стали превышать показатели рождаемости, хотя население здесь значительно моложе, чем в среднем по стране.

В 1994г. интенсивность оттока населения несколько снизилось. Причины разные. Из региона уехали те, кто это успел сделать сразу; сейчас же затруднения, связанные с переездом, увеличились. Схлынул поток мигрантов в бывшие республики СССР и, более того, направление данного движения меняется. Если, например, за счет убытия в эти республики в 1993г. Хабаровский край потерял 2.2 тыс.человек, то в 1994г. , напротив, увеличил численность своего населения на 2.7 тыс. человек.

Но, что особенно важно заметить, значительная часть мигрирующего населения пытается все-таки обустроиться в регионе. Наглядно это проявляется в г.Хабаровске. В 1994г. здесь отмечался миграционный прирост населения, причем значительный. Население города сокращается за счет выезда во все регионы России западнее Байкала. Но эта убыль с лихвой покрывается за счет прибытия населения из всех областей Дальнего Востока, Забайкалья и бывших республик СССР.

Судя по тому, как складывается социально-экономическая обстановка в европейских областях России и в Сибири, сопоставляя ее с обстановкой на Дальнем Востоке, следует полагать, что наметившиеся направления миграции населения

будут сохраняться. Для региона это совершенно уникальная ситуация: впервые за всю историю его освоения количество трудовых ресурсов здесь представляется избыточным, причем значительно. Заметим и то, что подавляющее большинство дальневосточников и не хотят, и не могут уехать.

Конечно, такое положение может вызывать сложные социально-политические коллизии сепаратизма, массовых трудовых конфликтов, усиливать криминальные явления и т.п. А если прибавить к этому неизбывные региональные проблемы обеспечения топливом и продовольствием, завоза грузов на Север, транспортных тарифов и другие, то местным властям не позавидуешь.

Но эта же ситуация содержит в себе и положительную потенцию: сотни тысяч человек теперь вынуждены задуматься и лично воспринять извечный вопрос: “Как жить и хозяйствовать на Дальнем Востоке, как сделать здешнюю жизнь и хозяйствование более благоприятными и устойчивыми, как уменьшить свою зависимость от властей центральных и провинциальных?” Такого положения в регионе никогда не было; здесь действовал по преимуществу временщик, казенное лицо с соответствующей психологией. С умом распорядиться этой положительной потенцией – вот задача, вот что важно сейчас не упустить.

Конечно, первейшая задача – как организовать эффективное производство? Влияние удорожающих факторов, к тому же с тенденцией роста во времени, предполагает, что устойчивое хозяйство региона может базироваться на таких ресурсах и производстве таких услуг, ценность которых также объективно возрастает во времени. В регионе это – лесные и рыбные ресурсы, минеральное сырье, транспортно-транзитные услуги. Являясь базовыми отраслями ныне, такими они останутся и в обозримой перспективе. Проблема, однако, заключается в том, что эти отрасли являются потребителями рабочей силы, причем в ее определенной половозрастной и социальной структуре. Сами по себе они не могут обеспечить главного – воспроизводства стабильного населения. Следовательно, они должны комплексироваться обрабатывающими производствами. Упредить же убыточность последних могут только опережающие технологии, обеспечивающие конкурентоспособность продукции. Альтернативы этому нет.

В свою очередь, чтобы обеспечить всем необходимым эти, по существу, периферийные

производства, нужны мощные опорно-тыловые базы с большим научно-техническим и культурным потенциалом, многочисленным населением. И тут тоже нет никакой альтернативы.

И если вдобавок к отмеченному принять во внимание географическое, геополитическое положение Дальнего Востока, политическую обстановку в АТР, реальные и возможные противоречия, то обнаружится, что не так уж все бездумно здесь делалось и сделано за многие десятилетия, как это теперь часто представляется.

Осуществить переход на новые технологии, реформировать производственные и создать рыночные структуры, безусловно, задачи колоссальной сложности. Однако опыт многих стран, не располагающих и десятой долей наших ресурсов, показывает, что такие задачи могут успешно решаться в исторически короткие сроки. Наши действительные проблемы в другом: в труде и трудящемся, в формировании мощных мотиваций к качественной, производительной, честной работе, - повсеместно, начиная со школьной скамьи. Если мы ставим вопрос о высоких технологиях, без чего устойчивое хозяйство на Дальнем Востоке невозможно, под стать этому должен быть и сам человек, работник, его моральные установки. Получим здесь сдвиги - получим и в другом - в устремлении населения к сбережениям и инвестициям, ибо сберегается и разумно используется копейка честная, трудовая; другие деньги идут на роскошества, разврат, преступления.

10 лет назад грядущие перемены затевались как революционные, причем явно с положительным знаком, то есть как освобождение от всего прошлого, даже от "старого" мышления. Освобождения "разом" не получилось. А нынешние условия уже стали много хуже стартовых. Конечно, тут имеются серьезные причины.

Тяжесть нашего наследия. Исторический опыт свидетельствует, что сколько-нибудь значительные общественные реформации никогда не осуществлялись без предварительной мировоззренческой, идеологической, интеллектуальной подготовки, занимающей, как правило, жизнь нескольких поколений. Не осуществлялись они и без того, пока в недрах старых социохозяйственных систем не прорастали и достаточно не развивались ростки новых структур. Наши реформы такой подготовки и такой материальной базы не имели и иметь не могли. Более того, и идеологическая, и хозяйственная системы в своем развитии последовательно, шаг за шагом исключали саму возможность появления новых взглядов и новых хозяйственных структур. Естественно, что в таких условиях реформы должны были пойти по чужим схемам, по чужим

меркам, поскольку свои не выработаны. Реформаторская идеология обрела откровенно реваншистский характер ("красные были неправы, правы были белые"). Нигилизм, имеющий столь глубокие корни в России, как бурьян после благодатного дождя быстро возродился и стал забивать все живое и полезное в нашей стране и нашем народе, лишая их всяких перспектив самобытности. Тяжесть и опасность такого положения огромны. Люди, особенно молодежь, не понимают случившегося и не осознают происходящего.

Для преодоления такой обстановки надо поставить вопрос о том, что мы переживаем: кризис ли это или нечто похуже? К сожалению, второе - "нечто похуже". Это общественный упадок, переходящий в разложение. Разница велика. Там - деформация каких-то структур: экономических, политических, организационных (одни развиты чрезмерно, другие - недостаточно, третьи и вовсе угнетены). Но и самый тяжелый кризис для здоровья народа - пустяк, насморк, не более. Упадок - это когда болен уже сам человек; он деградирует, а с ним и народ угасает. Понятно, что "шоковая терапия" здесь вредна; нужен длительный период реанимации, нужна величайшая осторожность.

Требуются ли здесь доказательства? Мы их могли бы получить тотчас, если бы выслушали работников детских домов и приютов, учителей, врачей, военкомов, демографов, социологов и т.д. Но, кажется, достаточно будет и того, если рассмотреть, что происходит сейчас с семьей. И вот иллюстрация.

В 1993 г. в г. Хабаровске родилось 5387 детей. Из них 1299 детей (24.1%) - у матерей, не состоявших в зарегистрированном браке (в крае - 26%, в России - 18%). И в этом же году на 100 браков пришлось 74 развода (в крае - 78), а в распавшихся семьях было 2810 детей. Сложим это и получится: за год в городе появилось 4109 сирот (76% всех родившихся). В крае еще хуже. За 1989-1993 гг. доля внебрачных детей в крае возросла на 63%, число разводов супругов, имеющих детей, - на 17%, в 1.8 раза увеличилась смертность людей в трудоспособном возрасте, что опять же - ранняя потеря отца или матери. Не стоит забывать и о тех детях, чьи родители оказались в тюрьме.

Рост безработицы, снижение уровня жизни, как известно, подхлестывают отмеченные горестные явления.

Почему? "Наследие большевизма (сталинизма, тоталитаризма, коммунистического режима...)" - это повторялось неоднократно. Многие сделали себе таким образом славу, карьеру, богатство. Но положение не улучшается. Да и как это может быть, когда отрицается собственная история, жизнедеятельность трех поколений? Новый вандализм.

В действительности же истории известно великое множество деспотических, тоталитарных, просоциалистических систем, которые существовали, однако, веками. Почему же наша система, укрепившись и набрав невероятную мощь за 3-4 десятилетия, когда уже казалось, что ей ничто не угрожает ни извне, ни изнутри, "вдруг" впала в застою и стала расползаться как сгнившая рубашка на плечах работника? Вот вопрос, который пропускается нашим обществоведением, нашими политиками, не ставится и не обсуждается в народе! И этот пробел обличениями, осуждениями и бранью восполнить нельзя.

А дело в том, что все тоталитарные системы, базируясь на обобществлении (конечно, большей частью по нужде, чем по прихоти деспотов), в таком своем развитии не переходили некоторой грани - не посягали на обобществление бытийной сферы человека. Не могли или не хотели - другой вопрос. Но Свой Дом с семьей, с большим или меньшим клочком земли всегда оставался цитаделью если и не для саморазвития человеческих сил, местом накопления любви, то, по крайней мере, местом для их консервации, самосохранения для последующего развития. То есть, говоря языком философии, момент для самодвижения, для индивидуального - основы основ развития - всегда оставался.

Наша же система, инициативно и последовательно обобществляя производственную сферу, шаг за шагом стремилась к тому же и в сфере непродуцированной. На рубеже 60-х годов мы уже не отставали от передовых стран по научно-техническому развитию. Готовились и осуществлялись действительно прорывные технологии, выход в космос, например. Но с ощущением этой нарастающей мощи готовилось и еще нечто более грандиозное - программа коммунистического строительства на 20 лет. Ставилась задача создать не только материально-техническую, но и социальную базу коммунизма, то есть получить, воспитать "нового" человека, человека с коммунистическим мышлением, для чего надо было обобществить сферу быта, дойти до семьи, обобществить жилища. Бескровно, сознательно, с благими намерениями, при огромной общественной поддержке совершалось нечто гораздо более превосходящее по тяжести последствий коллективизацию 30-х годов.

Все это было осуществлено в кратчайший срок, за 10-12 лет. Но результаты всего этого превзошли ожидания:

- вместе с поголовным вовлечением трудоспособного населения в общественное хозяйство обнаружился повсеместно дефицит трудовых ресурсов; производство потеряло маневренность, и условия ему теперь уже стал диктовать наемный работник; "поработать поменьше - получить побольше"; на глазах падала дисциплина труда, качество работы, производительность, эффективность производства, но росла заработная плата, а с нею и инфляция (подавленная); увеличивался дефицит потребительских товаров и в таком же порядке крепла мораль "ты - мне, а я - тебе" и

множился слой "нужных людей";

- в производство стало вступать поколение, лишенное трудового воспитания;

- изменилась структура спроса и потребления: "одежда" и "поесть" стали главными в ценностной ориентации населения, более того, в условиях их дефицита - символом престижности, "нужности" человека.

Все эти "моменты" можно перечислять и дальше. А в целом становилось заметным - истощались силы народа: снижалась рождаемость, прекратился рост продолжительности жизни. Но самое страшное: оказавшись в казенных условиях бытия из-за своей ненужности, стала разрушаться семья, фундамент и исток всех последующих общественных отношений, основа устойчивости и здоровья народа, его способности к выживанию и развитию.

Но здесь нет места обличениям. Люди радовались новым "Черемушкам", а то, что сейчас презрительно называется "хрущобами", почиталось за счастье, за дар Божий. Еще бы! Такое приобреталось после бараков, общежитий, коммуналок и развалюх.

Оправдывалось это и в логическом плане. Установками, идущими от Утопии и научного коммунизма, вполне сознательно преследовалась цель не только обобществления труда и производства (это достигается уже и капитализмом), но и бытийной сферы человека. Это - на знамени социализма и коммунизма.

Однако логических оправданий тут будет мало. Проблему надо рассматривать в более широком и глубоком историческом контексте. Старые утопические идеи возродились и получили научное обрамление, как известно, на немецкой земле. Но тут же они и увязли в тенетах оппортунизма, социальной базой которого было мещанство и его дух. В России же почва для этих идей оказалась более благодатной. Здесь, как выразился историк Г.П.Федотов, "палочки большевизма попали в питательный бульон и размножились с микробиологической быстротой". Предпосылкой, как всегда, в общественных явлениях много. И одна из них в том, что к тому времени в России не вызрела еще та мещанская среда, которая обладает устойчивым иммунитетом к наносному, чужому. Да и как ей тут быть, если российский этнос, занятый в течение 1,5 тысяч лет трудом колонизации гигантской территории, бесконечными миграциями, в своем социальном развитии не завершил этапа оседлости. Русский народ, распространяясь, ассимилируя многочисленные кочевые и охотничьи племена и ассимилируясь в них сам, оставался полукошачником, полуохотником. Обращаясь к тяжелой теме нашего национального наследия и нашего социального характера, А.И.Герцен выразил это одной фразой: "Мы еще не жили. Мы тысячу лет провели на земле и два века в школе, занимаясь подражателем". А П.Я.Чаадаев в своем знаменитом первом философическом письме позволил большему, нарисовал картину нашего быта: "Взгляните вокруг. Разве что-

нибудь стоит прочно? Можно сказать, что весь мир в движении. Ни у кого нет определенной сферы деятельности, нет хороших привычек, ни для чего нет правил, нет даже и домашнего очага, ничего такого, что привязывает, что пробуждает ваши симпатии, вашу любовь; ничего устойчивого, ничего постоянного; все течет, все исчезает, не оставляя следов ни во-вне, ни в вас. В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к нашим городам. И не подумайте, что это пустышки...”

Какие уж тут пустышки, если “нет хороших привычек, ни для чего нет правил, нет даже и домашнего очага”. Такой человеческий материал оказался подходящим для топок индустрии, но для высоких технологий и высокой предпринимательской этики нужны другие качества.

И это не досужие академические рассуждения. Если мы не возьмем нашу российскую действительность в более широком и глубоком историческом контексте, нам не избежать новых ловушек, новых разочарований теперь уже от каких-нибудь “общечеловеческих ценностей”. Социокультурная система России сейчас крайне неустойчива. В первом послании Президента Федеральному Собранию отмечалось, что потеря идейно-нравственных ориентиров сейчас “проявляется:

- в утрате интереса к принципиальным вопросам нашего бытия в обществе в целом, и в частности - у интеллигенции;

- в подрыве нравственных устоев человека, в дегуманизации жизни и культуры, в нарастании экстремизма буквально во всех сферах общественной деятельности - от экономики до культуры;

- в разрушении мировоззренческого стержня, в готовности поверить в любую случайную иллюзию, в любую спекулятивную идею и абсолютном безверии.

Все это тревожные тенденции, и важнейшая задача Российского государства - переломить их. Без этого не возродить страну, не возродить достоинство российского народа”.

То, что переживает сейчас Россия - это эпоха,

может быть, сложнейшая в ее истории. Почти полторы тысячи лет она укладывалась в свои берега, искала свои естественные границы, и вот они опять “прозрачные”, и опять предстоят великие миграции. Русский человек, освоивший гигантскую территорию, оказался без Своего Дома, без Своей Земли. Этот горький опыт, несомненно, подтолкнет его к мысли о возвращении к Себе, к Своему очагу, к Своему Дому на Своей земле, Нет у него другого выхода. На Дальнем Востоке эта проблема стоит еще острее. Достаточно заметить, что индивидуального жилья здесь в городах меньше в 2-3 раза, а в селах - в 5-6 раз, чем в среднем по России.

“Движение начинается с той точки, на которой оно остановилось”. Такой точкой в социальном движении, как отмечалось, стало обобществление сферы быта. С персонификации, с присвоения этой сферы в широком смысле слова начнется самооздоровление и рост человека, начнется положительное социальное движение.

С чего начать? С разработки и осуществления проекта “Дом дальневосточника”.

Многим покажется это утопией. Еще бы! Как же сейчас реализовать этот проект, когда большинство людей на грани бедности?!

Но первейший и важнейший вопрос здесь - земля. Лучшие пригородные и припоселковые земли должны быть переданы или проданы за символическую плату жителям этих поселений в количестве, достаточном для обустройства жилищ усадебного типа.

Кто может определить сейчас, где оптимум этого участка? Никто. Кажется, достаточно ошибок, когда бессистемно и на неудобьях под сады-огороды выделялось по 6-8 соток? Ни жилья там уже не создать, ни овощей сколько надо не собрать.

Проект “Дом дальневосточника” должен аккумулировать знания почвоведов, агронома, эколога, биолога, лесовода, архитектора, строителя, экономиста, юриста... Без этого и близко к земле подходить нельзя.

Такой Проект властям даст опору, обоснование для действий, людям - надежду.

Реализовать этот проект - дело поколений. Но большие цели рождают и большие силы. На этом же пути каждый шаг человека будет открывать ему новые возможности.

How do they settle in the Far East?

M.I.Ledenyov

The work gives the historical coverage of the Russian-speaking pioneering in the Far East. Under the consideration there are economic and social problems of the contemporary period, the author investigates reasons of the mass migration from the Far East. As the solution of these problems M.I.Ledenyov presents the Project “Home for Far-Eastern Man”.